
*6 апреля 1940 года
Дорогой отец!
Сегодня я приехал в Париж.
Здесь повсюду царят тревога и насторо-
женность.
Как будто весь город разом затаил дыха-
ние. В ожидании.*

Оуэн

I

*И снова час пришел нам ринуться в пролом,
Иль трупами своими завалить ту брешь!
Когда повсюду мир, нрав тихий и смиренный —
Есть лучшее для человека украшеньё.
Но если вдруг война нагрянет ураганом буйным,
Повадками должны вы стать подобны тигру.¹*

27 августа 1944 года

Париж был мне не по душе, как и любой другой город, где здания похожи на клетки, а из-за скопления людей кажется, будто воздух строго нормирован. Больше всего удручали выпотрошенные магазины, баррикады из мешков с песком и мотки колючей проволоки.

Солнце еще не поднялось над крышами домов, когда я добрался до рю де Вожирар.

¹ Уильям Шекспир. «Генрих V», акт III, сцена 1, 1–6.

«Будь осторожен, когда окажешься у Люксембургского дворца, — предупреждал меня старик, — и у Пантеона. Там идут бои. Опасайся партизан».

Я стряхнул с себя туман воспоминаний и стал огибать дворец, держа в поле зрения дороги и крыши. Стояла странная тишина. Мне было известно, что просторные сады, видимые мне лишь отчасти, люфтваффе уже не бомбит. Пробираясь по изрытым и загроможденным улицам, я все время оставался начеку.

Моя чрезмерная бдительность грозила задержать меня тут надолго, так что залиvistый свист вызвал едва ли не облегчение. Самый опасный враг — тот, которого не видишь.

Я взглянул вперед. Как раз в этот момент солнце сверкнуло над куполообразным изгибом величественного каменного здания в конце прямой широкой улицы. И тут из тенистой от густой листвы аллеи на меня вышло семеро мужчин.

— *Hé! Qui es-tu?*²

— *Où vas-tu?*³

Выглядели они угрожающе. Двое со скрещенными ружейными ремнями на груди, еще один с толстым сучковатым посохом на плече. Они явно были на взводе, а тут еще я не вовремя перешел им дорогу. Как часто бывает, я оказался на голову выше самого рослого из них. Мужчины начали окружать меня, исподволь бросая тревожные взгляды, в которых читались усталость, голод и недоверие. Таково было лицо Сопrotивления.

— Эй! Ты кто? — повторил тот, который обратился ко мне первым, и выпятил подбородок.

² Эй! Ты кто? (фр.)

³ Ты куда идешь? (фр.)

Я поспорил бы, что эти небритые и исхудавшие люди моложе, чем кажутся, — четыре года борьбы их изменили и закалили. Пока они перешептывались, я уловил слова *carlingue* и *allemande* — «гестапо» и «немец».

— Я не говорю по-французски, — сказал я, расставляя ноги пошире и перенося вес на переднюю часть стоп. Мои руки были опущены вниз, ладони раскрыты. — *Je ne parle pas français*. — Фраза возникла у меня в голове неожиданно, и я с пугающей ясностью вспомнил паренька, который научил меня ей тридцать лет назад. Он был младше меня. Именно в тот момент, когда он расхохотался над моим кондовым произношением, немецкая пуля пробила его каску и череп. — Не понимаю.

— Ты — американец? — спросил самый малорослый, с виду совсем юный, но с металлическим блеском в глазах.

— Нет. — Я повернулся, чтобы держать всю компанию в поле зрения, так как малый с посохом направился ко мне за спину. — Я — валлиец.

— Валлиец... — Заговоривший первым явно был у них за вожака.

Они обменялись короткими фразами. Когда вожак вновь обратился ко мне, его лицо выражало презрение:

— *Tu es anglais*⁴.

— Нет, — жестко, в тон ему, возразил я. — Не англичанин. Валлиец.

Он сплюнул на землю.

— *L'anglais* — трусы. — И добавил продолжительную тираду на родном языке.

Знания французского не требовалось — интонации были достаточно красноречивы. Я напрягся, ожидая

⁴ Ты — англичанин (*фр.*).

удара посохом, и услышал, как тот свистит в воздухе, метя мне в голову.

Я всю жизнь не выпускал пастушьего посоха из рук, и мне доводилось использовать его в качестве оружия. Перехватив палку прежде, чем удар достиг цели, я быстрым рывком с поворотом выдернул ее из рук нападавшего. Тот потерял равновесие, так что сбить его с ног оказалось проще простого.

Я крутанул посох и толстым концом ткнул парня, который ринулся на меня. Он закричал и упал, а я ударил следующего нападавшего в чувствительное место между горлом и ключицей. Тот вскрикнул, и я знал, что его правая рука повисла как плеть.

Но тут, получив прикладом винтовки в висок, я пошатнулся и упал на одно колено. Пока пытался вновь обрести почву под ногами, кто-то двинул сапогом мне в челюсть, и свет потух.

Я все понял еще до того, как открыл дверь.

Кровать была аккуратно заправлена. Одежда, которое Айлуид сшила перед рождением сына, разложено на узкой постели. Я заглянул в письменный стол — пусто. С вешалки исчезло пальто, а с полки у двери — сапоги.

Я пересек двор и, сложив ладони рупором, принялся выкрикивать его имя. Ответило мне лишь эхо, разнесшееся по полям.

Пока я поднимался по южной дороге, под ногами хлюпала грязь. С вершины холма я увидел, как по долине петляет грузовик. Горы по-зимнему бурели, небо приобрело цвет студеного моря. Дорога вилась лентой, повторяя изгибы рельефа: то поднимаясь, то опускаясь, подобно бесконечной волне.

*От вымазанных в грязи овец на пастбищах
пахло вереском.*

*Насколько хватало взгляда, вокруг не было
ни души. Я споткнулся, внезапно осознав слу-
чившееся: он уехал.*

В чувство я пришел от тычка под ребра. Четверо не пострадавших бойцов тащили меня к ближайшему бульвару. Очередной тычок в поясницу вызвал стон. Перед глазами все поплыло, но я умудрился ухватить ботинок, направленный мне в лицо, и свалить с ног его владельца.

— *Arrêtez! Arrêtez!*⁵

Новый голос не впечатлял нападающих, пока не прогремел пистолетный выстрел. Осколки кирпичной кладки стены отлетели мне в щеку.

Я приземлился на локоть — парни отпустили меня и поспешили скрыться. В начале бульвара стояла женщина. Она стреляла вверх голов нападавших, но теперь направила пистолет на ближайшего из них:

— *Arrêtez! Ou le prochain sera dans votre tête*⁶.

Последовала перебранка. Звуки злобных голосов бухали по моей голове, как по наковальне. Мне стало дурно, но я исхитрился подняться на четвереньки, а потом полуползком дотащился до стены и привалился к ней. Подогнув колени и уложив на них локти, обхватил ладонями лицо.

Я не осознавал, что теряю сознание, пока кто-то не прикоснулся к моему плечу.

— Сэр.

Та женщина.

⁵ Стойте! Стойте! (*фр.*)

⁶ Остановитесь! Или следующая полетит прямо в вашу голову (*фр.*).

Говорила она тихо и с акцентом, но не с французским:

— Вы целы?

Я вскинул голову и, глянув ей за спину, даже не заметил, как хватаю ее за локоть и притягиваю к себе. Она испуганно вскрикнула. На бульваре никого не было.

— Они ушли. Опасности нет.

Когда я перевел взгляд на нее, передо мной все поплыло. Но нечеткая картинка не помешала разглядеть ее глаза цвета предгрозового неба Уэльса. Они были так мрачны и настолько полны возмущения, что казались скорее серыми, чем голубыми. Женщина пристально смотрела на меня, а потом наклонилась, взяла в прохладные ладони мое лицо и нахмурились.

— Вам нужна медицинская помощь. И нельзя тут оставаться. Выстрел наверняка услышали, а нынче лучше избегать толпы. Встать сможете?

Американка. Низкий и спокойный голос; говорит прямо и решительно. Без сомнений — американка.

— Так и есть, стоять могу.

Она выпрямилась и протянула мне окровавленную ладонь. Кровь запачкала и рукав платья.

— У вас кровь.

Ее глаза блеснули:

— Это ваша.

Я взглянул на свою руку и обнаружил следы крови. По щеке что-то текло, я дотронулся до правого виска и скривился, поняв, что это кровь.

— Не трогайте. Только хуже сделаете, — сочувственно произнесла она.

Я с трудом поднялся и прислонился к стене, ноги слушались плохо. Не успел возразить, как женщина подержала меня сбоку, положив мою руку себе на плечо.

— Поторапливайтесь. И обопритесь на меня. — Макушка цвета меда едва достигала моих нагрудных карманов, зато хватка была уверенной.

— Могут прийти другие?

— Не исключено, но вряд ли. Похоже, нам удалось дать отпор. — Незнакомка наклонила голову и улыбнулась.

И мне показалось, что я снова дома и солнце проглядывает сквозь окутавший холмы утренний туман.

— А пистолет...

Его нигде не было видно.

— С пистолетом я сама разберусь. Вы не отвлекайтесь от дороги. Отвести вас куда-нибудь?

Я остановился на подгибающихся ногах и, едва не повалив ее, принялся шарить в кармане и успокоился, только нащупав мятые края письма. Кровь в голове пульсировала в ритм с сердцем. Женщина с нескрываемым любопытством уставилась на меня.

— Мне надо попасть на рю Турнефор, дом двадцать семь, — пробормотал я.

— Турнефор... Я знаю, где это. Но туда идти почти километр, а вашу голову срочно нужно осмотреть.

— Я должен...

— Вы едва держитесь на ногах. У меня тут поблизости живет подруга, медсестра...

Я попытался сопротивляться, когда она повела меня вперед.

— Прошу вас, — не сдавалась женщина. — Я работаю в Службе полевых госпиталей и способна определить симптомы сотрясения мозга. Если вы сейчас со мной пойдете, потом, когда Дионн осмотрит вашу голову, я провожу вас на рю Турнефор.

Дурнота подступала все ближе и ближе к горлу, так что мне пришлось уступить.

— Благодарю вас, мисс.

— Можно просто Чарли.

— Чарли?

Она ответила не сразу — первым делом осмотрела выход с бульвара:

— Нам сюда.

— Мой рюкзак...

Он лежал посреди улицы. Пошатываясь, я ждал, пока она сходит за ним и, перекинув себе через плечо, вновь подхватит меня.

Мы пошли по длинной прямой улице. Солнце светило мне прямо в глаза, оно уже позолотило купол каменного здания, маячившего впереди. Через квартал мы свернули на узкую боковую улочку, и я с облегчением сморгнул набежавшую на глаза слезу.

— Шарлотта Дюбуа, но все называют меня Чарли, — возобновила она разговор.

Со мной учился парень по имени Чарли. Он сильно смахивал на задницу борова, да и характер у него был не из лучших. Что называется, *dim gwerth rhech dafad*⁷.

— А я — Рис Гравенор.

— Вы из Уэльса. Они сказали, что вы англичанин.

— Я пытался их переубедить.

— Жаль, что они вас не слышали. — Шарлотта свернула под арку. — Сюда. — Достав из кармана ключ, она вставила его в замок.

Дверь со скрежетом отворилась, и мы вошли в подъезд, пол которого был покрыт ковром. Вокруг шахты лифта висела лестница. Думаю, на моем лице отразилась

⁷ Не стоил и пука овцы (*валл.*).